

В. А. Летин**Крымские дворцы Романовых в контексте отечественной усадебной культуры**

Дворцы царской семьи и дворцы Великих князей, расположенные на Южном берегу Крыма, анализируются в контексте истории русской усадебной культуры XIX – начала XX в. Внимание в статье акцентируется на семейном дискурсе их бытования в культуре. Закономерная для того времени тенденция к камерности, замкнутости, непроницаемости приватной стороны жизни, в том числе и августейших особ, сказалась в специфике композиционно-пространственной организации пространства, тематике декора, выборе стилового решения и материалов. В результате дворцовое пространство перестало быть здесь исключительно репрезентационным. Вместе с тем в крымских дворцах южного берега нашло отражение характерное для эпохи символизма желание человека через визуальные коды, в том числе и архитектурно-парковые, выразить свою социокультурную идентичность.

Так, с одной стороны, в пространстве дворцовых ансамблей делаются попытки мемориализации образов родственников, значимых семейных событий, хранятся предметы и объекты, с ними связанные. С другой – актуализируется личность владельца, его мировоззренческие установки, научные интересы, вкусовые пристрастия.

Ключевые слова: русская усадьба, усадебный универсум, крымские дворцы, царская семья, архитектура Южного берега Крыма, сады и парки Крыма, Романовы в Крыму.

V. A. Liotin**The Romanovs' Crimean Palaces in the Context of Russian Farmstead Culture**

The imperial family's palaces and Grand dukes' palaces located on the Southern coast of the Crimea are analyzed in the context of history of the Russian farmstead culture of the XIX – the beginning of the 20th centuries. In the in article attention is focused on a family discourse of their existing in culture. A tendency, natural for those times, to seclusion, isolation, impermeability of the private aspect of life including most august persons, affected specifics of the composite and spatial organization of space, decor subject, the choice of the style and materials. Therefore the palace space stopped to be exclusively representative here. At the same time, the person's desire, typical for the symbolism era, through visual codes including architectural and park, the sociocultural identity found reflection in the Crimean South coast palaces.

So, on the one hand, in space of palace ensembles there are made attempts to memorize relatives' images, significant family events, are stored things and objects connected with them. On the other hand, here is updated the owner's identity, his world outlook ideas, scientific interests, flavouring addictions.

Keywords: the Russian estate, a farmstead universum, the Crimean palaces, imperial family, architecture of the Southern coast of the Crimea, gardens and parks of the Crimea, the Romanovs in the Crimea.

Крымские имения царской семьи, появившиеся во второй половине XIX – начале XX в., и в истории дворцового строительства императорской семьи, и в отечественной истории искусства стоят несколько обособленно. Причинны тому в их географическом удалении от центра России и специфический «курортный» характер. Тем не менее, наряду с другими архитектурно-парковыми ансамблями крымского южного берега, в XXI в. они уже несколько раз стали объектами российских диссертационных исследований искусствоведческого [6, 8] и архитектуроведческого [9] характера. Естественно, в этих работах речь идет, в первую очередь, о стилистических особенностях архитектурных или ландшафтных составляющих этих усадеб. Крымские дворцы органично занимают свои места в исследованиях, посвященных творчеству соответствующих

архитекторов [13] или анализу памятников периода историзма [11]. А окружающие их парки атрибутируются и анализируются в контексте «пейзажных» тенденций отечественного ландшафтного искусства второй половины XIX – начала XX в. [10]. И в обоих случаях информация о заказчике представлена в виде в большей или меньшей степени подробного историко-биографического очерка.

Однако с позиций культурной антропологии эти архитектурно-парковые ансамбли не рассматривались. Не рассматривались они и в контексте усадебной культуры породившей их эпохи. Времени, когда усадьба начинает восприниматься в качестве сугубо приватного пространства семьи, непроницаемого для посторонних. Хозяин ансамбля являлся ключевой фигурой его концептуального и стилового решений. Однако

если для усадебной культуры XVIII – начала XIX в. был важен момент социальной и/или мировоззренческой репрезентаций владельца усадьбы, то во второй половине XIX – начале XX в. усадебный ансамбль – это уже пространство самореализации его создателей. Здесь композиционное решение, декор, стилистика подчинены задачам определения культурной идентичности его создателя.

В связи с этим, в первую очередь, обратим внимание на противоречия, существующие в научной литературе относительно изучения «романовских» архитектурно-парковых ансамблей в Крыму.

«Дискретность» исследовательских дискурсов крымских резиденций Романовых. Так, несмотря на локализацию в пространстве южного берега, более того, будучи объединенными «горизонтальной» тропой, все они рассматриваются отдельно. Даже в диссертационных исследованиях логика научного дискурса строится по формуле «дворец – параграф». Тем самым создается ощущение дискретного пространства, распадающегося на самостоятельные и самоценные объекты.

Причины тому мы видим именно в способах самовыражения хозяев, строивших себе исключительно оригинальные дома. В результате художественные решения этих ансамблей представляют вариации историзма в архитектуре второй половины XIX в. Диапазон предпринятых стилизаций весьма широк. Это императорские «французский» массандровский дворец (М. Месмахер, 1892–1902) и «ренессансный» ливадийский (Н. Краснов, 1909–1911), которые ретроспективно дополняют не сохранившиеся «татарские» Большой и Малый ливадийские дворцы (И. Монигетти, 1862–1869) и «греческо-помпейский» гибрид ореандского (А. Штакеншнейдер, 1852). Не менее разнообразны и великокняжеские дворцы: «арабский» Дюльбер, созданный по эскизам Великого князя Петра Николаевича и «неомавританская» Кичкинэ (Н. Тарасов, 1913) – В. кн. Дмитрия Константиновича; «шотландский» Харакс (Н. Краснов, 1904) – В. кн. Георгия Михайловича; эклектичные дворцы Ай-Тодора (Малый, М. Котенков, 1960-е гг.; Новый, Н. Краснов, 1912) – В. кн. Александра Михайловича. При этом храмы, входящие в некоторые из этих ансамблей, решены в грузинско-византийском стиле. Исключение – более ранний «античный» массандровский храм Усекновения главы Иоанна Предтечи (Ф. Эльсон, 1832; не сохранился).

Между тем принадлежность их разным членам одной семьи, локализация в пространстве, более или менее общие принципы композиционной организации вполне позволяют говорить о них как о специфическом усадебном контексте южного берега. Тем более, что пространственно все они объединяются особым «географическим» объектом – «горизонтальной» тропой.

Идея этого горного маршрута принадлежала императору Николаю II, пожелавшему, чтобы прогулочная дорожка вдоль скалы, проложенная В. кн. Владимиром Александровичем от Ай-Тодора к Ливадии, была продолжена еще дальше за нее. В результате она соединила царский дворец/усадьбу с усадьбами великих князей. Затеянная, с отсутствием крутых подъемов и спусков, она позволяла любоваться природой южного берега на протяжении всех своих 13 километров. Принцип пейзажного паркостроения был применен к объекту, выходящему за пределы собственно усадебного пространства. Но таким образом расставленные по склонам береговых гор различные ансамбли зрительно и пространственно объединялись в единый комплекс, а природе придавался статус эстетически ценного явления.

Дворец и/или усадьба: проблема «социокультурной» идентификации крымских архитектурно-парковых ансамблей царской семьи. Наше внимание привлёк парадокс бытования этих ансамблей в культуре. Исследовательская и популярная литература предлагает целый набор определений «романовских» (и не только!) архитектурно-парковых комплексов Крыма: экономия, имение, вилла, усадьба, дворец.

С одной стороны, это жилища представителей высочайшей фамилии, следовательно, прежде всего, они должны транслировать репрезентативную функцию. С другой – их архитектурный облик и концепция паркового пространства носят подчеркнуто личный характер, отражая художественные вкусы и, в известной степени, научные интересы хозяев. Образ жизни в них был подчеркнуто частным, камерным, а это главная черта усадебной жизни второй половины XIX в.

Это противоречие нашло отражение в идентификации ансамблей публицистами и историками искусства. Так, во второй половине XIX в. в путеводителе по Крыму в одном предложении Харкас именуется и виллой (акцентируется «курортное», южнобережное положение ансамбля), и дачей (уточняется функционирование ансамбля

в качестве временного, сезонного жилища), и дворцом (акцентируется его принадлежность члену царской семьи) [7, с. 731].

Мы полагаем, что такое восприятие дворца (резиденция правителя), как частной, по своей сути усадебной территории, было характерно для императорских семей второй половины XIX в. Это и Коттедж Александры Федоровны в Петергофе, и петергофский же Фермерский дворец Александра II и Марии Александровны, которые обустраиваются как сугубо частные пространства, не предназначенные для парадных приемов. А Николай II и Александра Федоровна относятся к занимаемым ими во дворцах помещениям вообще как к «квартирам», тем самым противопоставляя их остальным апартаментам Зимнего и Александровского царскосельского дворцов [12]. В логике этой тенденции акцентирования частной жизни, отчуждения ее от государственного служения появляются и крымские дворцово-парковые ансамбли южного побережья. И они совпадают с «семейно-бытовой» тенденцией, свойственной усадебной культуре на данном этапе ее развития. Во второй половине XIX – нач. XX в. усадебная жизнь утрачивает репрезентативный аспект. Усадебный ансамбль (даже «царский») теперь не демонстрирует карьерные амбиции хозяина, а проявляет, прежде всего, его художественный вкус, акцентирует семейные ценности.

С идеи самого первого (ореандского) до воплощения самого последнего (ливадийского) дворца акцентируется их предназначение для частной жизни. Государственная репрезентативность этих проектов уже в самом начале размыается и к началу XX в. отходит на дальний план.

Так, в элементах неогреческого стиля ореандского дворца А. И. Штакеншнейдера, с его «эрехтейонскими» портиками, перистилем и пр., еще можно усмотреть отзвук «греческого проекта» Екатерины II. Но сам дворец строится как подарок супруге. Тем самым политическое его «звучание» в крымском контексте если и не снималось вовсе, то маскировалось под видом галантности. Обратим внимание и на то, что в культурно-историческом «имидже» крымских императорских дворцов акцентируются, в первую очередь, императрицы. Ореанда – подарок Николая I Александре Федоровне; Ливадия – подарок Александра II Марии Александровне. Освящение нового Ливадийского дворца состоялось в день тезоименитства супруги Николая II – Александры Федоровны (23 апреля 1910 г.), кстати сказать, крестившейся по православному об-

ряду именно в ливадийской капелле. Тем самым устанавливалась символическая преемственность между двумя императрицами – крымскими «помещицами».

Исключительно личная художественная мотивация транслируется и в истории создания ореандского ансамбля. Это увлеченность императрицы Александры Федоровны творчеством И.-В. Гете, в частности его трагедией «Ифигения в Тавриде», и желание иметь архитектурно-парковую «декорацию» к любимому произведению. Известно, что первый проект дворца, «более напоминающего храм», выполненный архитектором К.-Ф. Шинкелем (1838–1840), вызвал раздражение заказчицы, не пожелавшей стать в нем «богиней» [14].

«Татарский» стиль Старого ливадийского дворца, построенного И. А. Монигетти, тоже мог бы казаться амбициозной заявкой на выражение власти над регионом через архитектурное решение – использование в его архитектурном облике мотивов резиденции ханов Гиреев в Бахчисарае. Однако и этот своеобразный антураж власти постепенно микшировался построенными «вокруг него» стилизаторскими проектами великокняжеских «вилл» и «коттеджей» знати. И «татарская» архитектура дворца здесь уже не воспринимается однозначно как политический знак, а все больше – как эстетическое явление, обусловленное романтизированным «национальным» колоритом.

Как видим, восприятие последними Романовыми этих резиденций в качестве частных пространств подтверждают и события, связанные с ними, и многочисленные фотографии. События – это факты исключительно частной жизни, которые отмечались как семейные, в предельно узком кругу приглашенных. Дни рождения, которые праздновались в усадьбах: 50-летие В. кн. Михаила Николаевича в Ай-Тодоре и 16-летие В. кнж. Ольги Николаевны в Ливадии. Кончина Александра III и уже упоминавшееся крещение Александры Федоровны в Ливадии, последовавшие одно за другим в 1894 г. Фотографии – это «фотографии для семейного альбома», которые фиксируют, прежде всего, разнообразные способы проведения досуга царственными дачниками (экскурсии, прогулки, этапы строительства, снимки с гостями).

И если петербургские апартаменты во дворцах для семьи последних Романовых – «квартиры» [12], то Ливадия – «дом». «Наш дом», – так характеризуют свое крымское имение оба авгу-

стейших хозяина: Александр III и Николай II. Императрица Мария Александровна, напутствуя архитектора И. Монигетти, высказывала пожелание сделать ливадийский дворец «как можно проще».

Николай II в письме к матери восторгался новым дворцом, определяя его именно в этом качестве: «Мы не находим слов, чтобы выразить нашу радость и удовольствие иметь такой дом, выстроенный именно так, как хотели...» [4]. О том, что ливадийский дворец – семейное пространство, говорит своеобразный декоративный эпиграф, помещенный над крыльцом: рельефы с инициалами семьи. А на его парковом фасаде – целый фриз из гербов европейских родственников Романовых. И это вместо аллегорических деклараций кредо царствования! Семейная тема еще более акцентируется размещением инициала цесаревича в медальоне вместе с инициалом матери. И годы не изменят отношения Николая II к этому месту. После отречения от престола он обратился ко Временному правительству с просьбой о разрешении ему и его семье поселиться в Ливадии в качестве частных лиц.

При этом «дом», воспринимается его обитателями не только в качестве места или здания. Усадьба, в переписке ли, в воспоминаниях ли, осмысливается как живое существо, которое владельцы отождествляют с собой, с членами семьи: «Мы с Ай-тодором как бы росли вместе», «Здесь мое место, и здесь я хотел бы остаться на всю жизнь», – писал в своих мемуарах В. кн. Александр Михайлович [3].

Усадьбы Крыма становятся тем местом, где отдается дань личным увлечениям их высокородных владельцев. Это отражается в названиях имений и в выборе их архитектурных решений и декора. Так, Харакс (буквально с древнегреческого «укрепленное место») назван В. кн. Георгием Михайловичем «в честь» римской крепости, расположенной рядом [2]. А в стены айтодоровского малого дворца были вмонтированы античные барельефы – дань увлечения археологией вел. кн. Александра Михайловича. Наконец, Дюльбер был спроектирован архитектором Н. П. Красновым на основе впечатлений от ближневосточных и магрибских путешествий Вел. кн. Петра Николаевича.

Возникшие слишком поздно, чтобы стать родовыми гнездами, крымские усадьбы Романовых тем не менее аккумулируют память о семьях их владельцев.

Прежде всего, это выражается в организации

пространства в этих дворцах. Так в Ливадийском репрезентативная часть присутствует, но при всей, соответствующей функции, отделке (мрамор, дубовые панели, поделочный камень, люстра муранского стекла), они сокращены до минимума и локализованы, вопреки традициям «дворцовой» архитектуры на первом этаже. В то же время традиционно парадный *beletage* отдан под комнаты семьи. Характерно, что своеобразным символическим центром дворца, как и в усадебных пространствах, является кабинет самого Николая Александровича. При этом в нем, как и во всем дворце, репрезентационная «пафосность» переплетена с идеей семьи, которой подчинено все пространство дворца. Здесь, в кабинете императора, был помещен ковер с изображением императорской семьи с Наследником. Этот своеобразный сувенир от персидского шаха был преподнесен в честь 300-летия династии и наиболее точно визуализирует специфику крымского дворцового пространства.

При этом интерьеры комнат царевен и самой императрицы были обставлены комфортной и функциональной мебелью, элегантно решенной в стиле модерн без какого бы то ни было намека на «царскую роскошь». Многочисленные фотографии родственников в разных по формату рамках становились своеобразным аккомпанементом семейной мелодии дворца.

В меньшей степени в пространстве его самого, в большей – в окружающем его ландшафте семейная тема начинает звучать в «мемориальном» ключе. Характерное для усадебной культуры сохранение памяти о родственниках и событиях их жизни, связанных с этим местом, проявляется и в крымских резиденциях.

Так, память Александра I, первого хозяина Ореанды, его «наследница» (импц. Александра Федоровна) почтила утверждением креста и посадкой лавра на горе Урьянда (Крестовой). Место на полу комнаты, где Александр III покоился на смертном одре в Старом дворце в Ливадии, также было отмечено крестом.

Семейная мемориализация осуществляется здесь и через храмостроение, что, в принципе, свойственно усадебной культуре. Практически все «романовские» храмы – мемориалы. Покровский храм в Нижней Ореанде (А. А. Авдеев, 1885), сложенный из камней «прекрасного дворца матушки» по воле В. кн. Константина Николаевича, хранит память об императрице Александре Федоровне и ее роскошном дворце. Храм Св. Нины и Преображения Господня в Хараксе

(Н. Краснов, 1906) посвящен небесной покровительнице одной из дочерей В. кн. Георгия Михайловича. Заболевшая дифтерией девочка была прооперирована и тем самым спасена в день праздника Преображения – 6 августа 1905 г. Ливадийский храм Воздвижения Креста в Ливадии, перестроенный в 1863–1866 гг. И. А. Монигетти из костела, связан мемориализацией с импц. Марией Александровной (выбор посвящения), с импц. Александрой Федоровной (крещение) и имп. Николаем II (принятие Присяги). К тому же, будучи домовым храмом царской семьи, он стал средоточием реликвий, принесенных в дар Романовым.

Семейная тема продолжается и в соответствующих знаках светского характера мемориального назначения. Так, в 1882 г., в день 50-летия, В. кн. Михаилу Николаевичу баронессой М. П. Фридерикс был подарен бюст его матери Александры Федоровны, долгое время стоявший потом в кабинете Ай-Тодора. Скульптура Пенелопы – подарок жителей Ялты Марии Александровне – была перенесена в новый ливадийский дворец и заняла там почетное место в прихожей уже как памятный знак о самой Марии Александровне. Семейность акцентируется в деталях интерьера: уже упоминавшийся ранее ковер – портрет императорской четы с наследником в кабинете Николая II.

А в парке, неподалеку от дворца, сохраняется куст плетистых роз, посаженный импц. Марией Александровной [1]. Своеобразным знаком мемориализации памяти о родителях последнего императора оказывается массандровский дворец, строительство которого завершается при Николае II с сохранением принадлежности покоев матери и отцу [5].

Как видим, семейный дискурс крымских дворцов царской семьи является основополагающим. Конструируется он в логике традиций современной на тот момент усадебной культуры, в организации как самого пространства, так и образа жизни. «Романтические» желания царской семьи обрести в течение едва ли не столетия в Крыму дом, наполненный историей и красотой (Николай I и Александра Федоровна), супружеским счастьем и здоровьем (Александр II и Мария Александровна), гармонией семейных отношений и опять же – здоровьем (Николай II и Александра Федоровна), увы, оказались утопией, память о которой сохраняют визуальные коды, пережившие (и переживающие) исторические пе-

рипетии или реконструированные в музеефицированных пространствах.

Библиографический список

1. Арбатская, Ю. Я.; Вихляев, К. С. Императорский розовый сад [Текст] / Ю. Я. Арбатская, К. С. Вихляев. – Симферополь : Н. Оріанда, 2013.
2. Блаватский, В. Д. Харакс [Текст] / В. Д. Блаватский. // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 19. – М.; Л., 1951. – С. 250–291.
3. Великий князь Александр Михайлович. Мемуары. Воспоминания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eknigi.org/istorija/40116-velikij-knyaz-aleksandr-mixajlovich-kniga.html>. Проверено 15.06.2017.
4. Дневники императора Николая II. Общ. ред. и предисловие д. и. н. К. Ф. Щацилло [Текст]. – М.: Орбита, 1991.
5. Касперович, К. К. Дворец Александра III в Массандре [Текст] / К. К. Касперович. – Симферополь : Н. Оріанда, 2007.
6. Коляда, Е. М. Сады и парки Крыма XIX – начала XX века. История создания и стилистический анализ [Текст] / Е. М. Коляда. – СПб.: Невский институт управления и дизайна, 2009.
7. Кондаков, Н. П. Дворец в имении «Дюльбер» на Южном берегу Крыма [Текст] / Н. П. Кондаков // Искусство и художественная промышленность. – 1899. – № 9–10. – С. 731.
8. Линникова, О. В. Стилиевые особенности усадебной архитектуры Крыма периода эклектики в контексте общеевропейских тенденций : автореф. дис. ... канд. искусствоведения... [Текст] / О. В. Линникова. – М., 2011.
9. Манцыгина, И. В., Архитектура усадеб «Царского берега» в Крыму в XIX – начале XX в. [Текст] : автореф. дис. ... канд. архитектуры / И. В. Манцыгина. – СПб., 1999.
10. Нащокина, М. В. Русские сады. Вторая половина XIX – начало XX века [Текст] / М. В. Нащокина. – М.: Арт-Родник, 2007.
11. Нащокина, М. В. Московская «Голубая роза» и крымский «Новый Кучук-Кой» [Текст] / М. В. Нащокина // Сб. общ-ва изучения русской усадьбы. – Вып. № 5(21). – М., 1999. – С. 129–154.
12. Пашкова, Т. Л. «Квартира» императора Николая II в Зимнем дворце [Текст] / Т. Л. Пашкова. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2012.
13. Петрова, Т. А. Архитектор Штакеншнейдер А. И. [Текст] / Т. А. Петрова. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2012.
14. Филатова, Г. Г. Дворец и храм в Нижней Орланде [Текст] / Г. Г. Филатова. – Симферополь : Н. Оріанда, 2011.

Библиографический список

1. Arbatskaja, Ju. Ja.; Vihljaev, K. S. Imperatorskij rozovyj sad [Tekst] / Ju. Ja. Arbatskaja, K. S. Vihljaev. – Simferopol' : N. Orianda, 2013.
2. Blavatskij, V. D. Haraks [Tekst] / V. D. Blavatskij. // Materialy i issledovanija po arheologii SSSR. – № 19. – M. ; L., 1951. – S. 250–291.
3. Velikij knjaz' Aleksandr Mihajlovich. Memuary. Vospominanija [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://eknigi.org/istorija/40116-velikij-knyaz-aleksandr-mixajlovich-kniga.html>. Provereno 15.06.2017.
4. Dnevniky imperatora Nikolaja II. Obshh. red. i predislovie d. i. n. K. F. Shhacillo [Tekst]. – M. : Orbita, 1991.
5. Kasperovich, K. K. Dvorec Aleksandra III v Massandre [Tekst] / K. K. Kasperovich. – Simferopol' : N. Orianda, 2007.
6. Koljada, E. M. Sady i parki Kryma XIX – nachala XX veka. Istorija sozdanija i stilisticheskij analiz [Tekst] / E. M. Koljada. – SPb. : Nevskij institut upravljenja i dizajna, 2009.
7. Kondakov, N. P. Dvorec v imenii «Djul'ber» na Juzhnom beregu Kryma [Tekst] / N. P. Kondakov // Iskusstvo i hudozhestvennaja promyshlennost'. – 1899. – № 9–10. – S. 731.
8. Linnikova, O. V. Stilevyje osobennosti usadebnoj arhitektury Kryma perioda jeklektiki v kontekste obshheevropejskij tendencij : avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedenija... [Tekst] / O. V. Linnikova. – M., 2011.
9. Mancygina, I. V., Arhitektura usadeb «Carskogo berega» v Krymu v XIX – nachale HH v. [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. arhitektury / I. V. Mancygina. – SPb., 1999.
10. Nashhokina, M. V. Russkie sady. Vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka [Tekst] / M. V. Nashhokina. – M. : Art-Rodnik, 2007.
11. Nashhokina, M. V. Moskovskaja «Golubaja roza» i krymskij «Novyj Kuchuk-Koj» [Tekst] / M. V. Nashhokina // Sb. obshh-va izuchenija russkoj usad'by. – Vyp. № 5(21). – M., 1999. – S. 129–154.
12. Pashkova, T. L. «Kvartira» imperatora Nikolaja II v Zimmem dvorce [Tekst] / T. L. Pashkova. – SPb. : Izd-vo Gosudarstvennogo Jermitazha, 2012.
13. Petrova, T. A. Arhitektor Shtakenshnejder A. I. [Tekst] / T. A. Petrova. – SPb. : Izd-vo Gosudarstvennogo Jermitazha, 2012.
14. Filatova, G. G. Dvorec i hram v Nizhnej Oreande [Tekst] / G. G. Filatova. – Simferopol' : N. Orianda, 2011.